

ЖЕ 5381
1996, 5

HERBA

5'96

НЕВА

Выходит
с апреля
1955 года

5'96

СОДЕРЖАНИЕ

1407881

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Г. ГОППЕ. Стихи	3
Г. ПРУСОВ. Никто не ждет. <i>Повесть</i>	6
Н. СЛЕПАКОВА. Стихи	92
Г. НИКОЛАЕВ. Стон амёбы. <i>Роман. Окончание</i>	97
К. ВАНШЕНКИН. Стихи	137
М. НИКИТАЙСКИЙ. Стихи	139

ДОМАШНИЙ АРХИВ ПЕТЕРБУРЖЦА

М. ЛОТАРЕВ. Парад обреченных	142
М. КОРОЛЕВ. И грянул взрыв	152

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

И. ЛАПИН. «Я свободный человек в свободной стране...»	164
---	-----

СОВЕТ ДИРЕКТОРОВ

Г. ГАРДЫМОВ. Перекуем ракеты в вертолеты и мопеды	181
---	-----

ДНЕВНИК ЛИТЕРАТОРА

Н. БАНК. «...Леса нет, и эха нету»	183
Е. ЩЕГЛОВА. Когда отрываешься от любимой газеты	185
И. ПРУССАКОВА. Ноябрьское «Знамя»	190
В. СЕРДЮЧЕНКО. Чаадаев из Солигалича	192

СТРАНИЦЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С. КИБАЛЬНИК. Константин Вагинов и литературный Петроград	197
---	-----

ЗАМЕТКИ ФЕЛЬЕТОНИСТА

А. ПУРИН. Искренне соболезуем...	202
--	-----

Наталья БАНК

«...ЛЕСА НЕТ, И ЭХА НЕТУ»

*Поэзия военных лет через полвека
после Победы*

В конце прошлого лета, по дороге в село Вязовское на могилу Михаила Дудина, мы с другом на день-другой остановились в Иванове. Местный поэт Юрий Орлов показывал нам главные городские достопримечательности. В памяти остался сквер (его называют в Иванове Литературным): в двух шагах от оживленной центральной улицы, он встретил нас печальной тишиной, запустением, необитаемостью. Зарастает травой — так и хочется сказать, травой забвенья — площадка. По сторонам ее бюсты поэтов-земляков, прекрасно выполненные, вдохновенные скульптурные портреты Николая Майорова и Алексея Лебедева. Погибшие на войне, глаза в глаза смотрят они друг на друга, каждый из своей вечности, одинокие, — в сгущающихся сумерках дождливого августовского дня их одиночество чувствовалось особенно остро. В сознании ожили строки Николая Майорова:

Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

Еще какое-то время назад — совсем недавно — можно ли было усомниться в правоте предсказания поэта? А теперь — подумалось: не в пустоту ли уходит его пророчество, и что за дело сегодняшним «потомкам», прагматикам, скептикам, до тех чудаков, романтиков, которые, не раздумывая, жертвовали со-

Наталья Борисовна БАНК. Член СП С.-Петербурга, литературный критик. Автор многих книг и статей о русской литературе (преимущественно поэзии) советского периода от ее истоков до наших дней.

бой, и их стихи полнились таким неподдельным патриотическим воодушевлением: «...Не до ордена. // Была бы Родина // С ежедневными Бородино» (Михаил Кульчицкий).

Найдет ли своего сегодняшнего читателя книга, куда вошли стихи и Н. Майорова, и А. Лебедева, и М. Кульчицкого, и еще многих и многих, книга, получившая название по первой строке известного стихотворения Давида Самойлова — «Сороковые, роковые... Поэзия в сражениях с фашизмом» (М., изд-во «Semetey», 1995)? Казалось бы, уже одним фактом выхода из печати «в наше трудное время» — правда, в год пятидесятилетия Победы, она опровергает возможность самой мысли о забвении поэтов-фронтовиков, стихов и песен, получивших всенародную известность. Книга открывается автографом «Священной войны» Василия Лебедева-Кумача, завершается автографом сурковской «Землянки». Если угодно, это — вечные эмблемы поэзии времен Великой Отечественной войны. На роль таких «эмблем» наверняка подходят и «Мужество» Анны Ахматовой, и «Перед атакой» Семена Гудзенко, и «Я убит подо Ржевом» Александра Твардовского. Конечно же, и они перепечатаны в «Сороковых, роковых...». Вообще, далеко не первый это опыт собрать вместе лучшие стихи о войне, о Победе, написанные «отцами» — участниками войны и «детьми». Повторяю, опыт — не первый, но есть в антологии, подготовленной московскими писателями (составители Владимир Савельев и Леонид Жуховицкий, редактор Татьяна Кузовлева, автор предисловия Андрей Турков), своя принципиальная — современная — новизна. При всей ее компактности, книга выигрывает перед другими сборниками на ту же тему в полноте и правдивости общей картины поэзии, посвященной Великой Отечественной войне. Вспоминается двухтомник «Ради жизни на земле» (М., «Современник», 1975), массивный, подарочный, богато иллюстрированный, на мелованной бумаге, с фотографиями участников книги, живых и ушедших, с краткими справками о каждом. Но далеко не всех, достойных, без кого трудно себе представить книгу стихов о войне, тогда, двадцать лет назад, в эту книгу пропустили. Нет здесь среди поэтов ни Давида Самойлова, ни Булата Окуджавы, нет Марии Петровых и Арсения Тарковского, и совсем уж запретных по тем временам Александра Галича, Бориса Чичибабина, и отчаянно раздражавшего «верхи» Владимира Высоцкого.

Между прочим, подумалось, а ведь теперь это звучит как реквием по многим из них, из любимых поэтов:

Наши мертвые нас не оставят в беде,
 Наши павшие — как часовые...
 Отражается небо в лесу, как в воде, —
 И деревья стоят голубые.
 (В. Высоцкий. «Он не вернулся из боя»)

«Сороковые, роковые...» — книга горькая и честная. Составители так отобрали стихи, что читателям открылись лики минувшей войны, состояния человека, запечатленные поэзией, на которых мало фиксировалось внимание в прежних сборниках и антологиях.

Вот Наум Коржавин с его пронзительным, трагическим стихотворением «Дети в Освенциме» («Мужчины мучили детей. // Умно. Намеренно. Умело. // Творили будничное дело, // Трудились — мучили детей»).

Вот Николай Панченко с его короткими, экспрессивными зарисовками эпизодов войны, ее низменной прозы, испытывающей на прочность совсем еще юную, почти мальчишескую душу. Лихая бесшабашность, грубость — защитная реакция на пережитое:

Я с войны не привез ни шиша.
 Даже шубу в Смаковниках продал.
 Даже Шурку с полковником пропил:
 сто веснушек — за стопку «ерша».
 Пил и радовался: живой!
 Искалеченный? Все искалечены.
 Недолеченный? Все недолечены.
 Хорошо, что еще — с головой.

Поэт Юрий Мельников, участник Парада Победы 24 июня 1945 года, в антологии «Сороковые, роковые...» впервые представлен стихотворением «Позади война, тревоги, беды...»: пехотинцев, летчиков, танкистов, минометчиков, оказывается, сопровождали в поезде на этот парад «стукачи» особого отдела — «и до победителей им было дело!» Горькая саркастическая усмешка поэта, не спрятать за нею оскорбленного достоинства, недоумения: «Словно арестанты, ненароком // Находились мы под ихним оком. // Проверяли нас в дороге хватыв, // Словно кто-то вез с собой гранаты, // Чтоб в Москве над строем многоликим // Бросить их в того, кто был великим...»

В полной ли мере представляет себе современный читатель, какой ценой был оплачен высокий, искренний патриотический пафос многих широко известных стихов о войне, чем была выстра-

дана гражданственность лирики Анны Ахматовой, Ольги Берггольц, Варлама Шаламова, мечтательность и нежность певца «рощи березовой» Николая Заболоцкого? Муза блокадного Ленинграда Ольга Берггольц прошла перед самой войной страшное испытание арестом, тюрьмой, обманутым доверием. Осенью 1940 года она написала свою знаменитую поэтическую декларацию «Нет, не из книжек наших скудных...» Впрочем, знаменитой декларация стала лишь теперь, а при жизни поэта так и не была опубликована. Жаль, что составители «Сороковых...» в целом ряде случаев не ставят под стихами даты. Читателю легче было бы понять прямую связь мотивов, звучащих в предвоенном (послетюремном) стихотворении О. Берггольц («За облик призрачный, любимый, // за обманувшую навек // пески монгольские прошли мы // и падали на финский снег. // Но наши цепи и вериги // она воспеть нам не дала. // И равнодушны наши книги, // и трижды лжива их хвала»), и в том стихотворении, которое она написала в первые дни войны:

Я люблю Тебя любовью новой,
 горькой, всепрощающей, живой,
 Родина моя в венце терновом,
 с темной радугой над головой.
 Он настал, наш час, и что он значит —
 только нам с Тобой знать дано.
 Я люблю Тебя — я не могу иначе.
 Я и Ты — по-прежнему — одно.

«Свинцовые, пороховые» годы пробудили в стихах многих поэтов исповедальность. Намолчавшаяся в «роковые» тридцатые, поэзия обнаружила в пору всенародного испытания удивительную лирическую силу. Уместна ли в такое время лирика? Подобные сомнения порой испытывали сами поэты. В 1942 году в стихотворении «Долг» Семен Кирсанов писал: «Я верю, что нужен народу // души откровенной дневник», и тут же признавался, что «это дается не сразу... // и часто в газетную фразу // уходит живая строка». Если поэты сомневались — то руководящие инстанции придерживались твердой линии: далеко не сразу получила добро сурковская «Землянка»: «тоскует мой голос живой...», «ты сейчас далеко, далеко...» — а не окажет ли такое стихотворение размагничивающее воздействие на бойцов?! К счастью, не все редакторы, поллитработники исповедовали подобные взгляды. Вот история, которую хочется вспомнить. Шел июнь 1942 года. Под-

ходил к концу первый год войны. Лейтенанта Михаила Дудина вызвал редактор газеты 23-й армии «Знамя победы» Лев Прусьян и дал «социальный заказ» — написать стихи в номер к этой дате. На вопрос о размере ответил, что не ограничивает. «Можно ли лирику?» — (характерный вопрос) — «Можно». Утро выдалось солнечное. Все вокруг зеленеет и цветет. Над озером пели соловьи. А линия обороны Ленинграда проходила совсем близко... Дудин углубился в заросли орешника, расстелил шинель на траве и раскрыл тетрадь... Он вернулся в редакцию только вечером. Задание батальонного комиссара было выполнено. В лирике военных лет была написана одна из самых пронзительных страниц. Сердцу нужно было «сгореть» и вновь забиться над пеплом утрат, чтобы реквием зазвучал песню торжествующей жизни, — чтобы в момент, когда у смертельно раненного перекосило «рот от сердце раздирающего крика», мир окрест наполнился соловьиным пением, и не было «преград для этого оркестра», и лес «листом и корнем каждым» потянулся «к солнцу, к жизни и к воде». 17 июня 1942 года «Соловьи» первый раз увидели свет на страницах фронтовой газеты «Знамя победы».

Составители «Сороковых...» предпочли включить в антологию не «Соловьи», а другое дудинское стихотворение, из тех, что публиковались на страницах военной «Комсомольской правды» («И сразу приумолкли птицы...»). Это их право. И все-таки, думается, в такой книге поэт должен быть представлен лучшими своими стихами о войне. В этой связи я бы оспорила выбор отрывка из поэмы Маргариты Алигер «Зоя» (взята не самый выразительный), выбор стихотворения Веры Инбер («Трамвай идет на фронт»).

Возвращаясь к построению книги. В едином алфавитном строю — от Ильи Авраменко до Александра Яшина, — здесь нет литературных генералов и рядовых, все равны, породнены той душевной, творческой отдачей, тем взле-

том чувств, что проявился в стихах на войне и о войне у Константина Симонова и Семена Липкина, Павла Антокольского и Юлии Друниной, Алексея Фатьянова и Бориса Слуцкого. Это уже потом, после войны, жизнь многих из них развела — кого в секретари («генералы»), а кого и в места не столь отдаленные, кого в ортодоксы, а кого в ряд «антинародных элементов», клеймимых в партийных постановлениях и «закрытых письмах». Но здесь — в «сороковые, роковые» — они навечно вместе, рядом.

С каждым годом их все меньше, потери пошли уже и среди поэтов-«детей»: нет Роберта Рождественского, нет Юрия Воронова. Оказывается, мы уже в том самом времени, которое и хотел себе представить, и в полной мере побаивался это сделать отважный воин Сергей Орлов:

...мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

(«Когда это будет, не знаю...», 1975)

Даже расходясь в послевоенные десятилетия, поэты войны продолжали окликать друг друга, поддерживая фронтовое, духовное братство. «...Аукаемся мы с Сережей, // Но леса нет, и эха нету», — писал Давид Самойлов в 1961 году («Перебирая наши даты»). Что можно сказать про «лес» и «эхо» в 1996-м? Не стоит упрекать современников в равнодушии к тому, что было сказано стихами о войне минувшей. Современники жестоко травмированы войной, которая идет сегодня. Эта война — без стихов. А тогда — «Какая музыка была! Какая музыка играла...» (Александр Межиров). Все, в сущности, так просто и объяснимо, если бой идет «святой и правый».

Закроем же последнюю страницу «Сороковых, роковых...» с мыслью о том, что поэзия священной войны несет в себе спасительную и для дней наших человечность, исцеляющую души гуманность, и, значит, эхо все-таки будет.

Евгения ЩЕГЛОВА

**КОГДА ОТРЫВАЕШЬСЯ
ОТ ЛЮБИМОЙ ГАЗЕТЫ**

Нет, не для лицемерия воющих с телеэкрана несметных по численности жертв, — и даже не для «Новостей». Вернее — тем более не для «Новостей». А отрывается, поскольку в сумбурном бытии каждого из нас должно хоть изредка наступать время для какой-то приостановки. Чтобы перевести дух,

